

Чжоу Цин пребывала в отличном расположении духа, а потому, естественно, заметила стоявшую в сторонке Юньло. Сегодня красавица сменила наряд на скромное платье, которое не так притягивало взоры, как вчерашнее, но зато плотно облегалo фигуру, придавая ей совершенно иной шарм. Чжоу Цин приподняла бровь и лениво поинтересовалась:

— Юньло, как тебе спалось? Удобно ли устроилась?

Услышав свое имя, Юньло тут же вышла вперед и отвесила почтительный поклон.

— Благодарю, госпожа Чжоу, мне было очень удобно, — ответила она и, осмелев, украдкой подняла взгляд, чтобы быстро взглянуть на Чжоу Цин.

Одного этого взгляда хватило, чтобы она застыла на месте.

Лицо Чжоу Цин сияло улыбкой. Вчерашний «молодой господин», так пылко уверявший ее в своих чувствах, — как же он теперь, в женском облике, отнесется к ней?

— Что, всего одна ночь прошла, а ты уже меня не узнаешь? — Чжоу Цин не стала подшучивать над ней, как над той глупенькой девчонкой-призраком.

В конце концов, в этом мире таких дурочек, как маленькое привидение, было не так уж много.

Юньло смотрела на девушку с ясными, притягательными глазами и, слушая ее слова, не могла вымолвить ни звука. Как? Да как же так? Где же ее молодой господин Чжоу? Где ее блистательный, изящный, подобный нефриту господин Чжоу? Как он мог... как он мог превратиться в женщину?

Эмоции на лице Юньло невозможно было скрыть.

Ее растерянный, полный отчаяния вид вызвал у Чжоу Цин лишь раздражение. Подумаешь! Раз она теперь не мужчина, так что, любить ее уже нельзя?

— Проводите Юньло обратно, — распорядилась Чжоу Цин. — Дайте денег хозяйке заведения, скажите, что это от нашего дома в качестве извинения. И вот еще что: к Ли Эр не подходить, в этом месяце никакой работы ему не давать и жалованье не платить.

Чжоу Цин не жаловала таких, как Ли Эр: в глаза хозяину улыбается, а за спиной доносы строчит. Конечно, и такие люди могут пригодиться, но урок преподнести стоит, да и поддержать его в черном теле не помешает — даже если она не вернется в современность, этот тип, вернувшись к ней, уже не посмеет строить догадки о ее странностях. Подумав об этом, Чжоу Цин мысленно похвалила себя за сообразительность. Но стоило ее взгляду упасть на Сяохун и Сяоцуй, как радость мгновенно улетучилась.

Если уж говорить начистоту, разве Ли Эр может быть ей ближе, чем эти две девчонки?

Чжоу Цин не знала, что прежняя хозяйка была крайне капризной, как не знала и того, что Сяохун и Сяоцуй прислуживают ей всего месяц. От этой мысли на душе стало тяжело. На смену мягкости пришло ледяное выражение лица, от которого обе служанки затаили дыхание.

Сяохун оказалась сообразительнее:

— Слушаюсь, госпожа. Я сейчас же провожу Юньло и передам распоряжение.

Она поспешно увела потерянную Юньло, а Сяоцуй, почти плача, пролепетала:

— Го-госпожа, пора... пора завтракать!

— Хорошо, — буркнула Чжоу Цин с недовольным видом.

Сяоцуй чувствовала, что сегодня госпожа сама не своя: вроде бы злится, но не кричит. Раньше за подобную оплошность ей бы уже досталось, а тут — ни слова упрека. Сяоцуй прониклась такой благодарностью, что смотрела на свою госпожу как на небесное божество. Она отослала младшую служанку и сама подошла, чтобы помочь Чжоу Цин.

Они вышли из комнаты.

Чжоу Цин вновь поразилась размерам усадьбы Чжоу. Невыспавшаяся, голодная, она целую четверть часа плелась, опираясь на хрупкую служанку. Внутри закипала ярость, но из страха выдать себя она молчала, сцепив зубы.

Когда терпение было на исходе, Сяоцуй наконец привела ее к дверям главного флигеля, где семья завтракала.

— Госпожа, мы пришли, — вытирая пот со лба, с облегчением произнесла Сяоцуй.

Чжоу Цин лишь сухо хмыкнула.

Они вошли во двор, и еще издалека донесся детский плач. Хотя назвать того, кто плакал, ребенком было сложно — судя по голосу, он был уже довольно взрослым.

Чжоу Цин бросила взгляд на Сяоцуй, и та сразу поняла без слов:

— Это третий молодой господин. Должно быть, проголодался и закапризничал, — в ее голосе прозвучало нескрываемое презрение. — Ему ведь уже девять лет, а привычка чуть что — сразу в слезы — становится только хуже. Наложница Фэн совсем его не воспитывает.

Девять лет? А голос звучит, как у подростка в период ломки, лет тринадцати-четырнадцати.

Впрочем, девять лет — возраст немалый, а он — всего лишь сын наложницы, и с самого утра устраивает истерики. Чжоу Цин нахмурилась. Хотя отношения с госпожой У Фэньи не были особенно теплыми, Чжоу Цин все равно была на ее стороне и терпеть не могла Чжоу Дахая, его женщин и внебрачных детей.

Как и ожидалось, лицо госпожи снова помрачнело.

На этот раз Сяоцуй не испугалась, а, опустив голову, злорадно усмехнулась: не сдобровать третьему господину!

В главной зале собрались все: старый господин Чжоу, госпожа Чжоу, оба сына с невесткой,

наложница Фэн и рыдающий третий господин. Стоило им увидеть Чжоу Цин, как лица их просияли, и они поспешили навстречу — все, кроме третьего господина, который уткнулся в объятия Фэн.

— Цинцин, как спалось? — проворковал старый господин с внушительным животом.

— Цинцин, я велела поварам приготовить твои любимые пельмени, съешь побольше, — улыбалась мать.

Старший брат Чжоу Чжэнлэй одарил ее теплой улыбкой.

— Я с голоду умираю, наконец-то ты пришла, — проворчал второй брат Чжоу Чжэнци.

А молодая женщина в наряде замужней дамы — жена старшего брата, Фан — подбежала, оттеснила Сяоцуй, взяла Чжоу Цин под руку и, словно лучшая подруга, потянула в комнату.

— Цинцин, хочешь сегодня прогуляться до лавки «Драгоценности»? — спросила она. — Твой второй брат говорит, что туда завезли новую партию столичных украшений, в нашем городке таких еще ни у кого нет.

Чжоу Цин была ошеломлена. Если бы вчера она не удостоверилась, что она — женщина, она бы решила, что сама является главой дома Чжоу. Что происходит? Почему все так стараются ей угодить?

У дверей послышался робкий голос:

— Госпожа. — Наложница Фэн присела в глубоком реверансе.

Чжоу Цин скользнула по ней взглядом, даже не заметив красоты наложницы, зато увидела, как третий господин, вцепившись в мать, резко обернулся и сверкнул на нее глазами. Видимо, он не ожидал, что она посмотрит в его сторону, и на мгновение замер, но тут же отвел взгляд. Этот полный ненависти взгляд показался Чжоу Цин лишь призрачным видением, он исчез так же быстро, как появился.

Неужели прежняя хозяйка успела насолить этому ребенку?

Чжоу Цин не стала ломать голову: судя по сегодняшней обстановке, вероятность того, что она была ангелом, равнялась нулю. В конце концов, ее здесь явно избаловали, как принцессу.

После завтрака, достойного императорского стола, Чжоу Цин наконец-то вырвалась из дома, прихватив с собой невестку Фан. Быть отвергнутой родителями — плохо, но быть объектом такого обожания — ноша, которую она была не готова нести.

Фан, глядя на Чжоу Цин, усмехнулась:

— Что с тобой? Ты сегодня бежишь, будто от погони. Я даже переодеться не успела.

Чжоу Цин, выглянув из окна кареты, бросила:

— Мы же собирались в «Драгоценности» за украшениями, если опоздаем, все разберут.

Фан прикрыла рот рукой, смеясь:

— Ты все та же. Боишься, что кто-то опередит. Да подумай сама, лавкой управляет твой второй брат, пока ты не выберешь, кто в нашем городке посмеет прикоснуться к товару? Даже у жены уездного начальника нет такой привилегии, твой брат еще даже не отправлял новости в уезд.

Чжоу Цин молчала, не находя слов. Живя в современности, она видела многое, но такой любви к дочери не встречала ни в одной семье. Это не помещичья дочка, это настоящая принцесса! В прошлой жизни она сама считала себя «золотой молодежью», но по сравнению с этим... она могла лишь усмехнуться.

Даже у жены начальника уезда нет такого влияния — подумать только, как приятно!

Весь день они провели в лавках. Чжоу Цин приглянулись лишь крошечные сережки в виде красных фонариков, а вот Фан набрала целую кучу. Хотя лавка не принадлежала семье Чжоу, она принадлежала родственникам их столичной ветви, и поскольку второй брат помогал в управлении, женщины семьи Чжоу покупали все по себестоимости.

Чжоу Цин не оценила украшений, и пока невестка выбирала, она сбежала в чайную напротив послушать музыку. Чтобы избежать утреннего ажиотажа, они пообедали там же, а вечером, после очередного концерта, вернулись домой.

Когда они подъехали к усадьбе, уже смеркалось. Бросив короткое «устала», Чжоу Цин с Сяохун ушла к себе.

Раз госпожа устала, никто из домашних не посмел ее беспокоить. Чжоу Цин отпустила Сяохун отдыхать, а сама велела принести воды для купания.

Ванная комната находилась в глубине спальни. Служанки принесли четыре бадьи воды, и Сяохун, проверив температуру, помогла госпоже войти в большую деревянную бочку.

Чжоу Цин с наслаждением прикрыла глаза, собираясь махнуть рукой, чтобы служанка ушла.

Но движение замерло на полпути. Она распахнула глаза и уставилась на дверь ванной. А там, взявшись за руки, стояли А-Янь и Сяюй, а за их спинами теснились призрачные тени, жадно заглядывая в комнату.

Хорошо, что она в бочке!

Чжоу Цин быстро прикрылась руками и рывкнула в сторону двери:

— Вон отсюда!

Проклятая девчонка-призрак!

Чжоу Цин поклялась, что готова искромсать это привидение и скормить собакам, если те, конечно, станут это есть!

От этого крика Сяохун вздрогнула, огляделась по сторонам и с грохотом рухнула на колени.

— Го-госпожа... — голос ее дрожал, а в глазах читалась безнадежность. Она прослужила здесь всего месяц, а чувствовала, что скоро умрет от разрыва сердца!

Чжоу Цин не смотрела на нее, ее взгляд был прикован к двум духам в дверях.

А-Янь сначала опешила, губы ее задрожали, будто она собиралась заплакать, но затем, заметив Сяохун, которая не переставала бить поклоны, она совершенно не поняла, что гнев госпожи направлен на нее. Она отцепилась от Сяоюй и плавно подплыла ближе.

— Девочка, что с тобой? Почему ты кланяешься? — прошептала она, с недоумением и жалостью глядя на служанку.

Сяохун, разумеется, не видела духа, сидящего рядом, и, хотя госпожа замолчала, продолжала дрожать, опустив голову. Она сердилась на Сяоцуй: «Ах ты, Сяоцуй, госпожа сегодня весь день была не в духе, могла бы хоть предупредить меня, чтобы я была готова!»

Чжоу Цин следила за каждым движением А-Янь. Видя, что та ни капли не раскаивается, а еще и смотрит на нее с укором, она почувствовала, как ярость ударила в голову. Если бы не то, что она сейчас без одежды, она бы точно вылезла из бочки и задала этой девчонке трепку!

Сяоюй, понаблюдав за сценой, поняла, что к чему, и, решив, что с А-Янь ничего не случится, попятилась назад.

Занавеска из жемчуга опустилась, скрыв призраков.

— Сяоюй, что там? — спросил Цинь Сюань, стоявший поодаль.

Сяоюй усмехнулась:

— Ничего особенного, мы не вовремя зашли. Госпожа Чжоу купается и очень сердится. Подождем немного, скоро выйдет.

Цинь Сюань был человеком ученым, и, услышав, что Чжоу Цин в ванной, смутился. Он кивнул и отошел подальше, больше не желая быть заводилой.

Когда призраки удалились, Чжоу Цин выдохнула.

Она посмотрела на служанку и привидение: одна чуть не умерла от страха, а вторая, не чувствуя вины, продолжала что-то ласково нашептывать, пытаясь поднять Сяохун. Чжоу Цин тошнило от упоминаний Юньло, а мысль о толпе призраков за дверью не давала покоя. Она кашлянула, привлекая внимание Сяохун.

Сяохун осторожно подняла голову, встретившись взглядом с Чжоу Цин, которая старалась сохранять спокойствие.

— Госпожа... — профессиональный долг не давал ей забыть об обязанностях.

— Угу, — кивнула Чжоу Цин, решив не объяснять, что кричала на призрака — служанка испугалась бы еще больше. — Принеси одежду. Я пока не буду купаться, закончу позже.

Сяохун, хоть и удивилась, поспешила исполнить приказ.

Чжоу Цин взяла одежду и холодно бросила:

— А теперь уходи.

Служанка вылетела из ванной, как ошпаренная.

Чжоу Цин посмотрела на А-Янь, которая все еще таранилась на нее. Гнев иссяк, сменившись усталостью. Она кивнула на дверь:

— Что такое? Ты что, извращенка? Чего ждешь, хочешь что-то увидеть?

Извращенка...

Лицо А-Янь вспыхнуло, как огонь.

— Тьфу! — выругалась она. — Сама ты такая!

Она не стала больше задерживаться и пулей вылетела наружу, заставив жемчужные занавески звенеть еще долгое время.

Чжоу Цин чувствовала себя несчастной: мало того, что ее застали в ванной, так еще и обругали. Но чего еще ждать, если она уже столкнулась с этим бесстыдным миром? Она смиренно выбралась из бочки, кое-как вытерлась, накинула одежду и, лохматая, как привидение, вышла из ванной.

В ее комнате А-Янь и Сяюй стояли впереди, а за ними теснилась целая толпа — человек двадцать призраков. Там были и разодетые женщины, и пузатые посетители борделей, и совсем юные, и глубокие старики, и даже пятилетний ребенок.

— Глубокая ночь, чего вам надо? — Чжоу Цин окинула их взглядом. Раз никто не проявлял агрессии, она не слишком испугалась.

— Госпожа Чжоу, — заговорил пятилетний малыш. — Сестрица А-Янь сказала, что вы можете касаться призраков, правда?

Ребенок был очень вежлив. Видимо, любопытство пересиливало страх.

Чжоу Цин не ответила, повернувшись к А-Янь.

— В чем дело? — спросила она, не подтверждая и не отрицая.

Сяюй улыбнулась и начала объяснять:

— Все было так...

Оказалось, что вчера, вернувшись в Ичуньюань, А-Янь не успела ничего рассказать, так как уснула. А вечером, когда все проснулись, она первой выскочила наружу.

Ночная жизнь еще не началась, и призраки лениво слонялись по округе. А-Янь потащила Сяюй и Цинь Сюаня в сторону, мучимая вопросом, который не давал ей покоя весь день:

— Сяюй, господин Цинь, скажите, могут ли люди прикасаться к нам?

Сяюй инстинктивно покачала головой:

— Люди и призраки из разных миров, конечно, нет.

Цинь Сюань, много читавший, задумался. Он посмотрел на А-Янь:

— Ты вчера была сама не своя, неужели тебя кто-то коснулся?

Его лицо исказилось от ужаса:

— Это был даос?

— Нет, нет, — замахала руками А-Янь, касаясь щеки, куда ткнула ее Чжоу Цин. — Это был обычный человек. Она ткнула меня пальцем, и я почувствовала! Господин, я теперь умру?

Ее лицо сменилось с любопытства на гнев, а затем на жалость.

— Если не даос, то кто? Кто может тебя коснуться? — вскричала Сяюй.

За все годы жизни в мире призраков она никогда не слышала, чтобы человек мог коснуться духа, если он не был могущественным даосом.

А-Янь закусила губу и с надеждой посмотрела на Цинь Сюаня.

<http://bllate.org/book/20984/2130471>